

Ежи Й. Вятр¹

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Двадцать пять лет назад конец холодной войны в корне изменил характер международных отношений. В ходе холодной войны идеологическое противостояние было доминирующим фактором в международных отношениях. Холодная война по своей сути была, если использовать слова бывшего президента США Джорджа Буша-старшего, «борьбой за душу человечества»². Это был мировой конфликт, основанный на борьбе за основополагающие ценности. Каждая сторона была верна своей системе ценностей и намеревалась сделать свою систему ценностей и институтов всеобщим мировым образцом. Идеологическая природа холодной войны не отменяла конфликтов национальных интересов, но делала их второстепенными по отношению к фундаментальному идеологическому противостоянию между сверхдержавами и международными союзами, сформировавшимися вокруг них.

Это была новая уникальная ситуация, во всяком случае для международных отношений нового времени. В течение многих веков, как минимум начиная с конца европейских религиозных войн XVI и XVII веков, международные отношения основывались на национальных интересах суверенных государств. Из этого правила было только два кратковременных исключения: войны между революционной Францией и коалицией европейских монархий в последнем десятилетии XVIII века и Вторая мировая война. После окончательной победы над Наполеоном Бонапартом Европа вернулась к ситуации, когда национальные интересы каждого государства, а не идеологии, определяли взаимоотношения между ними. Появление нацистской Германии с ее программой «нового мирового порядка», основанной на превосходстве германской расы, снова выдвинуло идеологию в центр мировой политики. Тем не менее победа над нацистской Германией и ее союзниками не устранила фундаментальное идеологическое противостояние. Вскоре победившие державы оказались втянутыми в борьбу за будущее человечества. В годы холодной войны интенсивность идеологической конфронтации менялась, но только после ее окончания международные отношения смогли вновь приобрести свой традиционный характер, основанный на конфликтах национальных интересов, а не на основополагающих ценностях.

Теперь хотелось бы пояснить свою позицию, обратив внимание на два вопроса. Во-первых, новый

характер международных отношений не означает, что идеологических различий между государствами, таких как их системы ценностей и идеи о правильном управлении страной, нет. Такие различия существуют, но ни одна сторона не стремится навязать свою идеологию остальной части мира. Во-вторых, есть одно существенное исключение из в основном неидеологического характера современной международной политики. Это роль исламского фундаментализма. Его способность определять политику некоторых отдельных государств придает международным отношениям заметную идеологическую окраску. Однако, к счастью, исламский фундаментализм смог стать основной идеологией лишь в небольшом количестве государств, ни одно из которых не способно установить свою власть на более широком пространстве.

Конец идеологической конфронтации не избавил нас от конфликтов между государствами, но изменил их характер и перспективы разрешения. В этом отношении мир вернулся в то состояние, в котором пребывал в течение веков: скопление государств, имеющих свои интересы. Понимание характера международных отношений, сложившихся после холодной войны, необходимо для качественного предсказания будущего развития и для стратегического планирования.

Теория и практика национальных интересов

Идея национального интереса исходит из политической мысли европейского абсолютизма, где она была сформулирована как «причина государства» (*raison d'état*) во французской терминологии Жана Бодена, 1530–1596, и кардинала Армана де Ришелье, 1585–1642). Их предшественником был Никколо Макиавелли (1469–1527), который видел истинную задачу принца в следовании интересу государства. Томас Гоббс (1588–1679) объединил поддержку абсолютной власти монарха с верой в то, что его моральный долг — служить интересу государства.

Политические перемены, начатые английской и французской революциями, а также американской войной за независимость, привели к пересмотру концепта суверенности. Новая идея национальной суверенности пришла на смену прежнему концепту суверенности правителей. Это изменение отразилось в использовании нового термина — «национальный интерес».

Идея национального интереса происходит из *политического*, а не из *культурного* понимания нации. Эрнест Ренан (1823–1892) во Франции и Макс Вебер (1864–1920) в Германии определяли нацию как политическое сообщество людей, имеющих намерение сформировать государство. Следовательно, я определил национальный интерес как интерес государства, способного гарантировать безопасность своих граждан, дающего им право решать свою судьбу и контролирующего

¹ Министр образования Польши (1996–1997), депутат сейма Республики Польша (1991–2001), доктор социологии. Автор научных работ по социологии политики, в т. ч. монографии «Социология политических отношений». Почетный ректор Европейской высшей школы права и управления в Варшаве, почетный профессор Варшавского университета, почетный сенатор Университета Люблина, почетный доктор Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара. Удостоен ордена Возрождения Польши II степени.

² *Leffler M. P. For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War.* N. Y., 2007. P. 3.

территорию, населенную значительным большинством тех, кто считает себя членами этой нации¹.

После Второй мировой войны американские теоретики школы политического реализма Ганс Моргентау (1904–1980), Джордж Ф. Кеннан (1904–2005), Генри Киссинджер (род. в 1923 г.) и Збигнев К. Бжезинский (род. в 1928 г.) основывали свои интерпретации мировой политики на концепте национального интереса. Когда они писали в годы холодной войны, то старались освободить международные обсуждения от высокого языка идеологии и основать интерпретацию мировой политики на традиционной идее национального интереса. Они выдвинули шесть предположений о характере мировой политики².

Во-первых, они считали, что политические взаимоотношения определяются объективными правилами, исходящими из человеческой природы.

Во-вторых, они предполагали, что политики действуют в соответствии с национальным интересом, определяемым как безопасность, основанная на власти.

В-третьих, они допускали, что смысл национального интереса нестабилен, но его суть остается неизменной: это выживание как минимальное требование.

В-четвертых, они отвергали применимость всеобщих моральных норм к действиям государства.

В-пятых, они также отвергали предположения об универсальности морали и постулировали, что другие нации следует судить так же, как мы судим свою собственную.

В-шестых, они постулировали автономию политической сферы в том смысле, что политические действия нужно судить по политическим, а не по моральным критериям.

Этот отказ от морализации часто воспринимался как доказательство того, что реалисты поддерживают использование аморальных методов в следовании национальному интересу. Я не разделяю такую точку зрения. Реалисты отказались от соблазна использовать мораль в качестве оружия в конфликтах между государствами. Поскольку ни одно государство не ведет свою политику в идеальной гармонии со всеобщими моральными нормами, реалисты требовали относиться к другим так же, как мы относимся сами к себе. В контексте холодной войны такой подход имел большое значение, поскольку предлагал некоторую степень непредвзятости в оценке поведения соперников.

Реалисты сыграли значительные роли в американской внешней политике в ходе холодной войны, особенно Генри Киссинджер и Збигнев Бжезинский во времена правления Никсона–Форда и Картера соответственно. Во многих случаях они смогли разработать компромиссные решения определенных конфликтов. Они бы не смогли этого сделать, если бы не нашли понимающих и стремящихся к сотрудничеству партнеров на советской стороне. Когда мы смотрим на теоретическое положение в международной политике Со-

ветского Союза и большинства других социалистических государств того времени, то видим парадокс. На уровне теории международные отношения интерпретировались полностью в идеологическом ключе (как конфликт между социализмом и капитализмом), но на уровне практики политический реализм преобладал по обе стороны великого противостояния. Однако даже в ходе холодной войны некоторые ученые попытались вывести идею национального интереса в основное русло политического анализа в социалистических странах. Одним из них был мой друг, с которым мы общались многие годы, Федор Михайлович Бурлацкий (1927–2014), чьи идеи о международной политике были очень близки реалистичному подходу³.

После холодной войны

Перед концом холодной войны произошел пересмотр международных отношений и отказ от полностью идеологической перспективы. Особую важность имел концепт новой международной политики, разработанный последним главой СССР Михаилом Горбачевым. Его акцент на общих интересах человечества и отказ от идеи международной политики как продолжения классового борьбы послужили теоретической подготовкой для нового неидеологического подхода к мировой политике.

Важнейшим последствием окончания холодной войны стал тот факт, что современные конфликты (кроме конфликта с исламским экстремизмом) не отражают идеологических различий, но касаются национальных интересов — так, как политические лидеры понимают эти интересы.

В наше время есть три основных типа международных конфликтов, вытекающих из национальных интересов.

Во-первых, во многих частях мира мы видим территориальные конфликты — борьбу за контроль над спорными территориями (например, между Китаем и Вьетнамом за спорные острова на востоке Тихого океана).

Во-вторых, есть конфликты, касающиеся суверенитета, наиболее сложным из которых является израильско-палестинский конфликт.

В-третьих, существуют конфликты, касающиеся сфер влияния ведущих мировых держав. Этот тип конфликтов имеет особенно важное значение, поскольку в них участвуют государства с существенным военным и политическим потенциалом. Таким образом, они заслуживают особого внимания.

В первые годы после окончания холодной войны многие теоретики мировой политики предсказывали, что господство США будет продолжаться большую часть первой половины XXI века. Фатальная ошибка американской войны против Ирака привела к резкому приближению предполагаемого окончания господства США⁴. Быстро растущая власть Китая, неуклонный рост таких держав третьего мира, как Индия и Бразилия, новая роль Европейского Союза в мировой поли-

¹ *Wiatr J. J.* Polski interes narodowy: refleksje o historii i współczesności. Warszawa, 2012. S. 30.

² Эти предположения наиболее ясно сформулированы Гансом Моргентау, и их разделяют другие политические реалисты. Ср. его книги: “Politics Among Nations” (Нью-Йорк, 1948) и “In Defense of National Interest” (Нью-Йорк, 1951).

³ *Бурлацкий Ф. М.* О политической науке. М., 2014. С. 131–141.

⁴ См.: *Brzezinski Z. K.* Second Chance: Three American Presidents and the Crisis of American Superpower. N. Y., 2007.

тике и, что не менее важно, пробуждение России после того, как она потеряла свою международную позицию в последнем десятилетии XX века, — все это наиболее важные факторы, приведшие к краху “Pax Americana” — мирового порядка, основанного на господстве США в мировой политике.

Современный мир не идеален, как не был идеален никакой другой. Мы наблюдаем конфликты сильнейших держав за сферы влияния. В идеальном мире мы могли бы мечтать о ситуации, в которой все крупные державы добровольно откажутся от своих амбиций, чтобы каждый мог создать или поддержать свою сферу влияния. Но мы не живем в идеальном мире. Поэтому должны учиться жить с конфликтами, возникающими из-за преследования национальных интересов, в особенности национальных интересов сильнейших.

Есть два наиболее важных урока, которые мы можем извлечь из прошлого опыта.

Во-первых, нужно стараться избежать катастрофы. Все стороны должны избегать соблазна довести свои интересы до максимума. Если они попытаются полу-

чить слишком много, то неизбежно подвергнут опасности жизненно важные интересы других, провоцируя опасность конфронтации. Компромисс — основа успешной политики.

Во-вторых, выбирая пути защиты своих национальных интересов, государства — особенно сильнейшие из них — должны искать способы, совместимые с перспективой будущего компромисса.

Язык ненависти, часто используемый правительствами во времена конфликтов, оказывает пагубное действие на будущий компромисс, так как создает враждебный образ противника. Это особенно важно в мире, хорошо помнящем идеологическую враждебность холодной войны. Мы больше не живем в мире, где международная политика подчиняется идеологическому противостоянию между двумя враждебными блоками. Вместо этого мы живем в мире, где легитимные национальные интересы могут и должны продвигаться реалистичным образом, то есть с пониманием того, что ни у кого нет монополии права, и где нет альтернативы взаимопониманию и кооперации.